

ОТЗЫВ
официального оппонента о диссертации
Склизковой Анны Персиевны
«Философия мира в ранней драматургии Г. Гауптмана» на соискание
ученой степени доктора филологических наук по специальности
10.01.04 – литература народов стран зарубежья (немецкая литература)

Диссертационное исследование Склизковой А. П. посвящено творчеству одного из «титанов» литературы рубежа веков и первой половины XX столетия. В любом классическом учебнике Гауптману уделяется внушительный параграф, ни одна дискуссия по проблемам эстетики модернизма не обходится без упоминания его имени, практически со всеми известными писателями и деятелями культуры указанного периода он был знаком или состоял в переписке. Однако в отечественной германистике практически нет комплексных исследований, посвященных этой исключительно разносторонней личности. Конечно, З. А Венгерова, А.А. Измайлов, Н.А. Котляровский, Л.И. Малчуков, Е. М. Мандель А.А. Рейнгольдт, Т. Сильман и другие учёные упоминают о роли Г. Гауптмана в становлении натурализма и символизма. Однако пристального исследования ранних драматических произведений писателя пока не проводилось, тем более в абсолютно новой перспективе – на пересечении философско-эстетических и творческих установок автора. Примечательно, что этот анализ осуществляется большей частью на малоизученном материале. В защищенной в 2010 г. в Томске кандидатской диссертации Власовой Ю. Ю. «Рецепция ранней драматургии Г. Гауптмана в России рубежа XIX-XX вв.» автор сосредоточивается на классических текстах, не упоминая многие драмы, находящиеся в фокусе внимания Склизковой А. П.

Актуальность данного междисциплинарного исследования определяется возрастающим интересом к диалогу разных видов искусств и литературы, а также возможностью глубже понять и теоретически осмыслить

глубинные процессы, охватившие культуру рубежа веков и приведшие к смене философской парадигмы в XX столетии.

Теоретический фундамент работы составили труды по проблемам философии личности, истории литературы, мифопоэтике, теории трансфера. В поле зрения автора попали не только значимые для Г. Гауптмана философы Античности и представители немецкой идеалистической философии, но и другие мыслители, повлиявшие на рецепцию этих двух важных источников миропонимания писателя: Г. Гадамер, П. Рикёр, М. Хайдеггер, А. Хабермас; а также известные сегодня ученые, занимающиеся проблемами диалога философии и литературы: А.И. Жеребин, А.Г. Аствацатуров, Д. Кемпер, Г.В. Стадников.

Широкий теоретический размах позволил Склизковой А. П. выстроить сложную концепцию работы, основывающуюся не на принципе хронологического изучения драм Г. Гауптмана или на характеристике их жанрового своеобразия. Сделана попытка создания классификации текстов писателя по принципу выявления основных философских доминант, что позволило судить о специфике творческого генезиса писателя. Сама работа построена по драматическому принципу нарастания: от первой главы, в которой формулируется главная проблема – отношения субъекта и мира, далее через идейно-стилистический анализ романтических, античных драм Гауптмана, а на вершине этой эволюции – «драм самоиграния». Цементирует этот сложный корпус идей представление о главенствующей роли в творчестве Гауптмана мифологем *Philo/Sophia* и образов соляного цикла.

Вместе с тем, после первого прочтения работы осталось ощущение избыточности одновременно поставленных теоретических проблем. Сложно воспринимается идея о взаимодействии большой эпохи модернизма и модернизма как микроэпохи. В самом тексте это часто сбивает с основной линии повествования. Герменевтический метод сопрягается с достаточно новой концепцией культурного трансфера, которая по весьма свободному принципу возводится к трудам Исидора Севильского (почему не

остановиться на термине традиция, который и так фигурирует в теоретической части работы?). Неожиданным вкраплением в работу кажется теория метафоры, основанная на трудах П. Рикёра; при этом в той части исследования, где речь идет о Солнце, оно называется то образом, то метафорой, то мотивом (С. 15). В некоторых частях работы появляется терминология из области концептологии и когнитивной лингвистики концепт «детства», «искусств» (С. 303), «мир», «человек» (автореферат С. 10 в описании задач).

При повторном изучении работы, ее логика кажется более понятной, и некоторые вопросы, связанные со сложностью соотнесения методологических и теоретических рядов, снимаются, но не все. Можно поспорить и с попыткой причислить те или иные произведения к конкретному типу или жанру драмы (современная, романтическая, античная, игровая). Однако совершенно очевидно, что при комплексном рассмотрении диссертационного исследования концепция работает.

Структура исследования, при принятии общей концепции, выглядит продуманной и выверенной. Первая глава **«Мир и человек в “современных” драмах Г. Гауптмана»** посвящена общетеоретическим аспектам и поясняет позиции автора по проблеме понимания таких философско-эстетических категорий как «человек» и «мир», вынесенных в название работы. Автор анализирует историю становления творческой концепции Г. Гауптмана, рассказывает о диалоге писателя с традицией и рассуждает о переосмыслении этих традиций в контексте современности. Большой интерес вызывает первый параграф, речь в котором идет о натуралистической концепции мира природы, рассмотренной в большом контексте истории идей – от Античности до микроэпохи модернизма. О кризисе личности и «метаморфозе примирения» автор размышляет на примере драм «Одинокие» и «Праздник примирения», практически неизученных в отечественном литературоведении.

Вторая глава **«Этическое переосмысление образа художника в “романтических” драмах Г. Гауптмана»** посвящена природе творчества в ее экзистенциальном и художественном понимании. Несколько спорными и слишком общими представляются размышления о «новой» индивидуальной религии, от которой, по мысли Склизковой А.П., отходят ранние романтики (С. 111-126). Однако утверждение о том, что философия религии становится узловым пунктом «культурного посредничества между эпохами» (п. 2.2) представляется принципиальным и важным для понимания не только раннего, но и позднего творчества Г. Гауптмана.

Название второго параграфа несколько смущает (определение Homo Religiosus, т.е. «человек религиозный», не может быть уравнено с «новой религиозной философией»). Однако само содержание этого отрывка работы кажется одним из центральных в понимании философской позиции Г. Гауптмана.

Параграфы, посвященные «драме сознания» «Потонувший колокол», как ее характеризует автор исследования, и философской драме «Михаэль Крамер», приближают к пониманию роли магистральной мифологемы работы – так называемой соляной космогонии – в становлении раннего гения Гауптмана. Чрезвычайно оригинальной и любопытной показалась часть исследования, в которой самая известная драма Г. Гауптмана рассматривается в шекспировской перспективе, – «Философско-эстетическая трансформация шекспировских постулатов в драме “Ткачи”. Трагедия мира и трагедия героев».

В третьей главе **«Мифопоэтическая взаимосвязь мира и человека в “античных” драмах Г. Гауптмана»** рассматривается «греческий пласт» ранней драматургии Г. Гауптмана в контексте общеевропейской традиции рецепции античной образности. Речь идет о переосмыслении эстетических концепций Античности и дохристианской трагедии, философии рока и об античных реминисценциях в ранних пьесах Г. Гауптмана. Пятый параграф, посвященный философии мистерии, несколько выбивается из общей

проблематики главы. Предметом рассмотрения является христианский дискурс страданий, позволяющий лучше понять мистические искания автора. Но именно этот раздел работы приближает к идейной кульминации исследования – доказательству тезиса о стремлении раннего Г. Гауптмана к гармонической координации мира, «высветлению» в творчестве.

Четвёртая глава, повествующая об «игровом вознесении» творящего, вызывает наибольший интерес и идейно замыкает работу. Склизкова А.П. доказывает, что принцип «самоиграния» позволяет снять трагическое противоречие между миром и человеком, прошлым и настоящим, позволяет творцу ступить на «солнечный путь», подобно Иисусу, Заратустре и Митре, и способствует этическому обновлению мира через категорию «высокой доброты» и гармонии.

Несмотря на очевидные достоинства работы, есть замечания, о которых стоит упомянуть. Спорным представляется четвертый пункт, выносимый на защиту. Термин «эристичность» встречается в работе 2 раза: в положениях, выносимых на защиту (С. 22) и в заключении работы (С. 382), а термин «амальгамность», кроме указанных выше страниц, фигурирует в пассаже на С. 346-347, где эта категория описывается с перспективы самого Г. Гауптмана. Эти наблюдения чрезвычайно интересны. Однако хотелось бы узнать причины, почему эти термины вынесены как значимые для понимания концепции работы, и так теоретически очень перегруженной?

Трудно согласиться с переводом очень важной для эстетики Г. Гауптмана жанровой модификации «Schauspiel». На страницах 233, 235, 255 автор объясняет специфику использования именно этого термина Г. Гауптманом, но введение в теоретический аппарат работы термина «спектакль» представляется необоснованным. Вызывает сомнение и корректность перевода жанровой модификации «Glasshüttenmärchen».

Из стилистических и технических недостатков стоит отметить, что несколько раз в тексте соотносятся эпоха (Античность) и система идей (немецкая философия).

Задачи, выделенные во введении, не охватывают объема, действительно выполненного исследователем. Перечисляется лишь часть задач.

Также возникает ряд вопросов к автору:

1. Каких еще писателей, по вашему мнению, можно отнести к типу «певцов золотого диска», если речь идет о некой философской типологии, заявленной во введении? Является ли эта линия магистральной для рубежа веков?
2. Интересно узнать ваше личное мнение относительно критики образа жизни Г. Гауптмана, не соответствовавшего его высоким этическим принципам. Многие современники писателя, такие как С. Цвейг, Т. Манн и др. – критиковали его стремление к роскоши, отличавшее последние «непродуктивные» в творческом смысле годы жизни. Есть ли в современной германистике реплики по этому вопросу?
3. Стоило ли выделять именно ранний этап творчества писателя для изучения драматургических принципов? В позднем творчестве Г. Гауптмана не так много драм. Возможно, было бы интересно рассмотреть и их в перспективе данной работы.

Сделанные замечания никак не умаляют достоинств работы. Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что докторская диссертация Склизковой Аллы Персиевны «Философия мира и человека в ранней драматургии Г. Гауптмана» является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как важное научное достижение в области отечественной германистики. В работе содержится решение задач, имеющих существенное значение для дальнейшего развития литературоведения, философии культуры и теории литературы. Рецензируемая диссертация полностью соответствует паспорту заявленной специальности и может быть охарактеризована как самостоятельное завершённое исследование, которое по глубине предметной

области и комплексной методике анализа соответствует всем требованиям п.п. 9-11 и 13-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013, № 842.

Автор диссертационного исследования, Склизкова Алла Персиевна, заслуживает присуждения учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (немецкая литература).

Официальный оппонент:

доктор филол. наук, доцент
(научная специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья)
зав.каф. русской филологии, зарубежной литературы
и межкультурной коммуникации
Федерального государственного образовательного учреждения
высшего образования
«Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова»

26.11.2019

Аверкина С.Н.

603024, Нижний Новгород,
ул. Родниковая 6-а, кв. 6
тел: +79030529469
mail: zarub@mail.ru

Подпись	<i>Аверкина С.Н.</i>
ЗА ВЕРЯЮ	
Специальность по подписи	<i>С.Н.</i>
« 26 » ноября 2019 г.	20 19 г.

